

Бюджет мира

Пройдя по омытым летним дождем широким улицам Москвы, депутаты Верховного Совета СССР — представители всех народов, всех социалистических наций, населяющих нашу великую советскую землю, выходят на прекрасную и величественную красную площадь. Здесь центр мира и счастья всего человечества. Здесь в мавзолее покойится Ленин. Здесь, в дни всенародных торжеств, великий Сталин бородой улыбкой, взмахом руки отеческой приветствует строителей коммунизма.

Депутаты Верховного Совета СССР пересекают площадь и, войдя в Кремль, направляются в Большой зал Кремлевского дворца — на заседание сессии.

Первая сессия Верховного Совета нового созыва посвящена вопросам мира и созидания! Большое счастье — участвовать в ее работах, большая ответственность возложена народом на депутатов. И избранные народом — рабочие, колхозники, инженеры и ученые, люди всевозможных профессий и специальностей, разного возраста и разного опыта — все чувствуют свою высокую ответственность. Они знают: сюда, к светлому Кремлевскому дворцу — цитадели нерушимого братства народов, устремлены в эти дни взоры человечества.

С трепетным биением сердца ждали депутаты счастливой и торжественной минуты — встречи с великим. И вот в зале заседаний сессии депутаты говорят о посадке лесов или о стройке школ, о прокладке дорог или об издании книг, —думы их, как думы всего нашего народа, обращены к мирному созиданию, к строительству, к борьбе за дальнейший расцвет Родины.

Мы знаем — мощь страны, счастье народа, мир во всем мире создаются трудом. Труд умножает нашу силу. Нефть, которую добывает мой друг из промыслов острова Артема, хлопок, который выращивает колхозники, опыт ученого и книга писателя — вот наша сила, сила нашей страны, знаменосца мира и прогресса.

После доклада министра финансов, впервые, депутаты делились друг с другом своими мыслями. Азербайджанец Рустам Алиев, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Красный Октябрь», Сафаралиевского района, сказал мне:

— В этом году мы должны во что бы то ни стало повысить урожай хлопка в колхозе!

Будущее своего колхоза, его борьбу за высокие урожаи Рустам Алиев связывает с судьбой мира во всем мире.

— Пусть империалисты кричат об атомной бомбе, этим криком они могут испугать разве что малых детей. А мы увеличим урожай хлопка и усилим световой электростанции. Пусть лопнут от страшности большого моста и мощной атомной электростанции.

Те же мысли выразил Майл Джонсон, высокий, широкоплечий председатель сельсовета Янклы, Таузского района. Район, в котором родился и живет Майл Джонсон, извечно страдал от засух и наводнений. Быстрая река Дагестан во время весеннего половодья смывала целые деревни, на месианы отеляли одно село от другого. Теперь на этой реке заканчиваются строительство большого моста и мощной атомной электростанции.

Когда я смотрел на товарища Сталина, — говорил Джонсон, — мне казалось, что он спрашивает меня: скажи, Джонсон, когда ты думаешь пустить электростанцию? И я повторяю: как вернувшись домой, товарищ Сталин, как только вернусь, так и пустим электростанцию! Можете быть уверены! Не подведем!

Так и каждый, кто прослушал на сессии величественные цифры Государственного бюджета, задумался над огромными задачами, стоящими перед страной Советов в 1950 году, естественно, обращаясь к конкретным своим делам, определя долю своей работы, свои обязательства перед Родиной.

Мысли депутатов, как и мысли всего нашего народа, как и вся его деятельность, направлены на укрепление фронта мира. Государственный бюджет СССР отражает эти мысли, дела и стремления. Поэтому он является подлинным бюджетом мира. Он обеспечивает дальнейший подъем всех республик, входящих в состав великой Советской державы, он предусматривает дальнейший расцвет экономики и культуры Украины и Грузии, Белоруссии и Армении, Азербайджана и Эстонии, всех высоких сталинских урожаев.

С трибуны звучат новые цифры — они свидетельствуют о неуклонном росте материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

Растут доходы рабочих, служащих, колхозников; увеличивается число школ, клубов, здравниц, институтов, театров. За четыре года пятилетки построены и восстановлены в городах жилые дома площадью в 72 миллиона квадратных метров, в селах сооружены 2,3 миллиона домов.

И вспоминаются новые светлые дома на улицах Баку и в поселках нефтяников, дворцы культуры в колхозах, больницы в горных селениях, библиотеки в «глуши» углах. Вспоминаются новые промышленные центры — Минечеэр и Дашкесан. Сколько таких центров выросло на земле бывших народов нашей страны, соревнуясь за высокие сталинские урожаи!

С трибуны звучат новые цифры — они свидетельствуют о неуклонном росте материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

Растут доходы рабочих, служащих, колхозников; увеличивается число школ, клубов, здравниц, институтов, театров. За четыре года пятилетки построены и восстановлены в городах жилые дома пло-

щадью в 72 миллиона квадратных метров, в селах сооружены 2,3 миллиона домов.

Мирза ИБРАГИМОВ, депутат Верховного Совета СССР

Сокровищница изобразительного искусства

Две новые картинные галереи создаются Комитетом по делам искусств при Совете Министров РСФСР для Крыма и Южного Урала.

СССР — первая страна в мире, которая сделала доступным обозрение национальных художественных богатств самыми широкими слоями населения, вне зависимости от того, где они живут.

Мы стремимся всемерно расширять сеть картинных галерей и музеев, а также организуемых ими передвижных выставок, — заявил корреспондент «Литературной газеты» тов. В. Руднев, начальник Управления учреждений изобразительного искусства Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР. — Картины И. Бродского находятся в Днепропетровске, и здесь же выставлены полотна Левитана, Шишкина, Айвазовского, многих советских художников.

Одесский художественный музей, открывший в прошлом году пятидесятилетие своего существования, до 1918 года имел всего 175 экспонатов. А за годы советской власти он получил около двух тысяч произведений живописи и скульптуры.

Так из небольших собраний и частных коллекций возникли крупные союзники изобразительного искусства во всех республиканских и многих областных центрах. Каждое такое собрание включает произведения живописи, скульптуры, графики русских и западных классиков, современных советских мастеров, а также произведения народного и прикладного искусства.

Экспозиции и фонды музеев непрерывно пополняются. В 1949 г. местным музеям было послано только через Комитеты по делам искусства при Советах Министров СССР и РСФСР пять тысяч картин и скульптур.

в мастерской проектировщика, но они обязательно будут! А сколько новоселов отпраздновали наши люди и сколько еще отпразднуют!

Вот он, наш бюджет, глубоко народный по своему характеру, выражющий неустанный стalinский труд о благосостоянии советского человека, свидетельствующий о великой жизненной сиdre нашего общества. Нет у партии нашей и у правительства интересов выше, чем интересы народа!

Докладывает министр финансов. Он предлагает депутатам Верховного Совета утвердить на 1950 год расходную часть Государственного бюджета СССР, где асигнования на народное хозяйство и культуру составят две трети всех расходов государства.

В этих цифрах, как в зеркале, отражено миролюбие нашей страны, ее великий творческий труд, ее движение вперед, к коммунизму.

Сравните: две трети расходов нашего бюджета на 1950 год — это расходы на народное хозяйство и социально-культурные нужды народа; три четверти расходов бюджета США — расходы военные. Вот на глядя, всему миру ясная картина.

Их бюджет — антинародный, агрессивный, военный. Наш бюджет — народный, прогрессивный, мирный.

И когда на сессии депутаты говорят о посадке лесов или о стройке школ, о прокладке дорог или об издании книг, —думы их, как думы всего нашего народа, обращены к мирному созиданию, к строительству, к борьбе за дальнейший расцвет Родины.

Мы знаем — мощь страны, счастье народа, мир во всем мире создаются трудом.

Труд умножает нашу силу. Нефть, которую добывает мой друг из промыслов острова Артема, хлопок, который выращивает колхозники, опыт ученого и книга писателя — вот наша сила, сила нашей страны, знаменосца мира и прогресса.

После доклада министра финансов, впервые, депутаты делились друг с другом своими мыслями. Азербайджанец Рустам Алиев, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Красный Октябрь», Сафаралиевского района, сказал мне:

— В этом году мы должны во что бы то ни стало повысить урожай хлопка в колхозе!

Будущее своего колхоза, его борьбу за высокие урожаи Рустам Алиев связывает с судьбой мира во всем мире.

— Пусть империалисты кричат об атомной бомбе, этим криком они могут испугать разве что малых детей. А мы увеличим урожай хлопка и усилим световой электростанции. Пусть лопнут от страшности большого моста и мощной атомной электростанции.

Те же мысли выразил Майл Джонсон, высокий, широкоплечий председатель сельсовета Янклы, Таузского района. Район, в котором родился и живет Майл Джонсон, извечно страдал от засух и наводнений. Быстрая река Дагестан во время весеннего половодья смывала целые деревни, на месианы отеляли одно село от другого. Теперь на этой реке заканчиваются строительство большого моста и мощной атомной электростанции.

Когда я смотрел на товарища Сталина, — говорил Джонсон, — мне казалось, что он спрашивает меня: скажи, Джонсон, когда ты думаешь пустить электростанцию? И я повторяю: как вернувшись домой, товарищ Сталин, как только вернусь, так и пустим электростанцию! Можете быть уверены! Не подведем!

Так и каждый, кто прослушал на сессии величественные цифры Государственного бюджета, задумался над огромными задачами, стоящими перед страной Советов в 1950 году, естественно, обращаясь к конкретным своим делам, определя долю своей работы, свои обязательства перед Родиной.

Мысли депутатов, как и мысли всего нашего народа, как и вся его деятельность, направлены на укрепление фронта мира. Государственный бюджет СССР отражает эти мысли, дела и стремления. Поэтому он является подлинным бюджетом мира. Он обеспечивает дальнейший подъем всех республик, входящих в состав великой Советской державы, он предусматривает дальнейший расцвет экономики и культуры Украины и Грузии, Белоруссии и Армении, Азербайджана и Эстонии, всех высоких сталинских урожаев!

С трибуны звучат новые цифры — они свидетельствуют о неуклонном росте материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

Растут доходы рабочих, служащих, колхозников; увеличивается число школ, клубов, здравниц, институтов, театров. За четыре года пятилетки построены и восстановлены в городах жилые дома пло-

щадью в 72 миллиона квадратных метров, в селах сооружены 2,3 миллиона домов.

Мирза ИБРАГИМОВ, депутат Верховного Совета СССР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 49 (2640)

Суббота, 17 июня 1950 г.

Цена 40 коп.

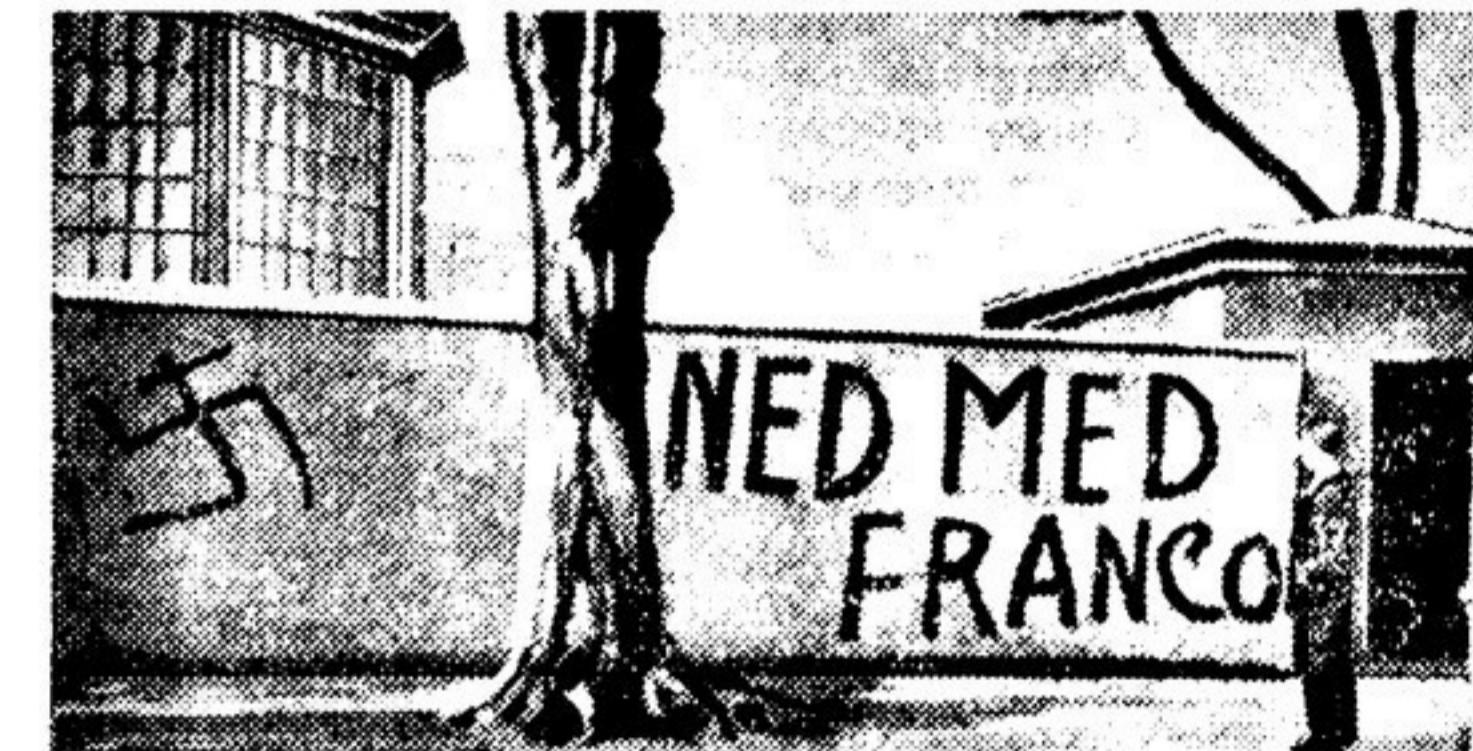
КАМНИ ЕВРОПЫ ВЗЫВАЮТ О МИРЕ

Надписи появляются ночью.
Еще накануне вечером камень стены был безмолвен и гладок, а наутро он кричит, покрытый гороплюво написанными размашистыми буквами ехавших слов.

Кто писал эти слова?
Полиция счищает по окрестным домикам, допытывается,

щет свидетелей. В ответ на вопросы полицейских люди только пожимают плечами: «Кто знает? Мы здесь не видели никого чужого...»
Кто же писал слова, исполненные гнева против поджигателей войны?

Их писала Европа, — честные люди труда, стремящиеся к миру и счастью.

«Здесь не было никого чужого», — сказали полицейским ищейкам обитатели домов, расположенных у этого моста в городе Штутгарте (американская зона оккупации Германии).

Однако ночью на парапете моста появилась большая надпись: «Ходите домой, в США!»

Кто написал это? Написала Германия, стремящаяся к миру, свободе и демократии.

Американский солдат по приказу своего командования замазывает эту надпись краской. Она появится снова. Потом

Чиновники испанского посольства в Копенгагене увидели однажды утром на ограде посольского особняка надпись, которая была гораздо красноречивее правдивее, чем официальная вывеска на дверях. Датчане нарисовали на камне свастику — истинный герб франкистской клики. Рядом написано по-датски: «Долой Франко!»

Эту надпись тоже можно замазать. Но не искоренить в сердцах датчан чувства пролетарской солидарности с борющимися сыновами свободолюбивой Испании. Пусть помнят об этом Франко и его заокеанские покровители!

♦ ♦ ♦

На одном из перекрестков тихого французского города Маноск полицейский дежурит лишь днем. Что тут делать ночью? Ведь в городке никогда ничего не случается.

Но, явившись утром на пост, полицейский видит, что асфальт вокруг его острога со всех четырех сторон покрыт надписями:

— Долой налоги! Долой войну с Вьетнамом! Долой атомную бомбу! Да здравствует мир!

«Кто же был здесь? — думает полицейский. — Здесь не было никого чужого!»

Это мысли и чаяния сегодняшней Европы пламенеют на старых ее камнях.

Снимки из немецкой газеты «Берлинер штутгарт», австрийского журнала «Вельт-иллюстрации», французских газет «Юманит» и «Либерасьон».

НАША СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Леса, превращенные в сады

От корреспондентов «Литературной газеты»

Над Цемесской бухтой

Переселение флоры

Из разных районов Дальнего Востока на запад идут в эти дни, самолетами и по железной дороге, необычные грузы — будущие леса.

Много таких чайников, больших и малых, пересыпаются на Кастиль, Кубань, в Рязань, Пензу, Подмосковье.

Миниатюрная наука, научившая людей переделывать при

Пищница в горах

Своенравна природа Карабаха. Старинная легенда рассказывает, как отряд иноземных всадников в бурках поднималася по крутым на Гагарного Карабаха; всадники попали под проливной дождь, отсыревшие бурки вытянулись, стали длиннее. Хвалившую землю природу, иноземцы подрезали бурки и сшили шапки; но вот они перевалили через горный хребт и сразу очутились на солнце — бурки укоротились, шапки стали тесны, и всадники прошли коварную природу Карабаха.

Вряд ли где еще так переменила погода, так кипрится климат. В Карабахе не менее шести климатических зон. Исключительность и почвенный состав. Частые ливни смывают верхний слой почвы, богатый иллюстрированными веществами, оставляя крестьянину мертвую почву.

Испокон века хлеб здесь родился с трудом, рождается редко. Вот потому в горах Карабаха вошло в обычай так ценить хлеб.

Хлеб здесь встречают, хлебом провожают, хлебом клянутся. Благовестное отношение к хлебу вошло в поговорку: «Переломка с человеком хлеб, становишься его молочным братом».

**

В Карабахе названия селам дают с толком. Если село называется Схоршено^{*}, то, будьте уверены, не от хорошей жизни ему дано такое название: когда-то его жители по бедности или пренебрежению заселили чистополы.

Мы с вами в Гюне-Чертазе. Гюне означает темень, понятно, о какой темени тут идет речь; само наименование говорит о бывшей здесь некогда болотности.

Учитель неполной средней школы Гюне-Чертаз Сурен Адамян обнес изгородью небольшой пустырь перед школой. Участок он разбил на клетки и засеял разными злаками. Люди, проходя мимо, синхронично улыбались. Чертазская земля скучна, как кремень, лучшие участки были под виноградниками, а с каменистыми склонами что возвышалось!

Но человек за изгородью работал неутомимо. Иногда после уроков он отправлялся в районный центр, в агролабораторию. В его карманах — менюшки с землей.

Часто чертазы видели за школьной изгородью пыльесосного, загорелого, в осинах, человека — старшего агронома района Арама Нуриджанова.

Это имя хорошо известно в Карабахе. На голом камне, у селения Схоршено, раскинулся фруктовый сад — его наследует Нуриджанов. Виноградники вдое увеличили урожай — этому помог Нуриджанов. Земпарт и личерна засевали почетное место в хозяйстве колхоза — и здесь складывалась забота Нуриджанова. С этим знатным агрономом района Адамян завел короткую дружбу. Он хорошо знал жизнь родного села, и счаялся тем, что хлеба здесь растут сплошь, никаких обрывков было.

Адамян много раз говорил, — многое в бытые годы делалось не так. И он положил перед Гукасом синюю папку:

— Гляди, Гукас!

Перед тобой показатель агролаборатории. Анализы тоны, и что поделать, если они не сходятся со стариной, если они против прежнего размещения сортов! «Гюргали» — познанспециальная пленница, колонение наступает тогда, когда почва уже суха и не может более питать корни. Другое дело «карабачки». Адамян говорит о том, что сорта надо менять.

— А что, эта самая агролаборатория лучше нас знает нашу землю? — хмуро, но с любопытством, освободился Аванесян.

Так же, как старый Гукас, думали и некоторые работники райсерхозотдела. Они по-старинке назначали сроки посевных работ: Адамян и с ними не соглашалась.

Сурен Адамян победил. Первый же урожай выдался из-за славы: 20 центнеров с гектара, а на новых участках и больше.

Об Адамяне заговорили в округе.

Когда началась подготовка к сену, Гукас Аванесян предложил своей brigade непременно взять с разных концов поля не сколько проб и послать в агролабораторию. Проверяя молодого колхозника в короткую, он несколько раз повторил:

— Пусть скажут, каких уборений не хватает земле! Пусть все скажут...

Гаренец слушал напутствие бригадира, и малые его глаза лукаво светились: побежден и старый Гукас!..

**

Пять первовом колхозникам села Гюне-Чертаз было присвоено звание Героев Социалистического Труда. Так прославился колхоз имени Тульских рабочих. В списке удостоенных высокого звания мы видим Гукаса Аванесяна и Сурена Адамяна.

Победа гюне-чертазцев воодушевила колхозников Нагорного Карабаха. Повсюду здесь идет наступление борьбы за высокие урожаи. Воля колхозников — сильнейшая притягательная сила.

«Скучная природа, во всем и всегда дикая природа!» — так в старину говорили о Карабахе.

Теперь каменистые горы Карабаха покрыты не только изумрудными побегами ячменя и бархатом плодородных садов, но и золотым паниром хлебов. Таким Карабахом сделали руки советских людей, колхозников, новаторов.

* Сектор — чеснок. Схоршено — чесночное село, село, где живут ежки чеснока.

НАГОРНО-КАРАБАХСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ

Книга, извращающая идеи И. П. Павлова

В 1948 г. вышла в свет книга проф. В. Ефимова «Возрастная физиология». Тираж ее (примерно 500 000) довольно быстро разошелся по стране. И это вполне естественно, так как книга о физиологических особенностях детей и подростков представляет большой интерес для врачей и педагогов. Вскоре, однако, обнаружилось, что книга эта содержит серьезные идеально-методологические ошибки.

Научный коллектив Института физического воспитания и школьной гигиены, где работает проф. Ефимов, на специальному заседании подверг резкой критике его труда, указав на ошибочность многих утверждений автора. Руководству института пришлось признаться, что оно отнеслось несерьезно к выпуску этой книги. Резкая критика подтвердила она и на собрании Академии педагогических наук.

Она же узнала преобразующую силу советской науки, и осторожно, исподволь вел себя колхозников на приступ, — урожай гюне-чертазского колхоза должны положить конец недоброй славе карабахской земли.

Трудно было Адамяну. Старые хлеборобы уважали своего вожака, но они привыкли к ловеским приемам обработки земли и не хотели отступаться. Адамян же мечтал об урожаях, не снившихся ни одному карабахцу!

Он уже узнал преобразующую силу советской науки, и осторожно, исподволь вел себя колхозников на приступ, — урожай гюне-чертазского колхоза должны положить конец недоброй славе карабахской земли.

Трудно было Адамяну. Старые хлеборобы уважали своего вожака, но они привыкли к ловеским приемам обработки земли и не хотели отступаться. Адамян же мечтал об урожаях, не снившихся ни одному карабахцу!

Он уже узнал преобразующую силу советской науки, и осторожно, исподволь вел себя колхозников на приступ, — урожай гюне-чертазского колхоза должны положить конец недоброй славе карабахской земли.

Стояла горячая пора сева пропашных культур. Адамян с утра до вечерних звезд проводил в поле, обходил бригады, проверял качество семян, глубину заделки, работу трактора. Он строго, неумолимо точно следил за соблюдением агротехники.

Люди верили новому председателю, делали все, как он велел, и только мастистый Гукас Аванесян попрежнему держался сухо с бывшим учителем.

Как-то после вечернего совещания бригадиров Адамян захотел поговорить со стариком.

— О чём со мной говорить? — ответил Аванесян. — Ты «старше», тебе виднее.

— Чем ты недоволен, Гукас?

— А с чего мне быть доволенным? Почему сомнены «карабачки» заселяют участки на Дава-бэ, а на Пувен-арте заселяют «гюргали»? Слопок веков мы делали обратное.

Адамян мягко возразил, — многое в бытые годы делалось не так. И он положил перед Гукасом синюю папку:

— Гляди, Гукас! Перед тобой показатель агролаборатории. Анализы тоны, и что поделать, если они не сходятся со стариной, если они против прежнего размещения сортов! «Гюргали» — познанспециальная пленница, колонение наступает тогда, когда почва уже суха и не может более питать корни. Другое дело «карабачки». Адамян говорит о том, что сорта надо менять.

Чем же порочен труд проф. Ефимова? Наиболее серьезные методологические ошибки содержатся в главе, посвященной высшей первичной деятельности животных и человека. Автор здесь грубо искашает и дискредитирует ученике И. П. Павлова.

Великий русский физиолог-материалист представлен В. Ефимовым как убежденный механист. Некоторым солидаризировался с пустынными и враждебными по отношению к некоторым «критикам», осужденным советской научной общественностью, автор выставил Павлова как убежденный механист. Некоторым солидаризировался с пустынными и враждебными по отношению к некоторым «критикам», осужденным советской научной общественностью, автор выставил Павлова как убежденный механист.

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли И. П. Павлов, ни его со-трудники (исключая А. Савина, который был своевременно разоблачен как вульгаризатор павловских идей) не пытались применять физиологические методы к социологии. И о каком «сессче» Павлова говорят проф. Ефимов, — что метод чистой рефлексологии (физиологии), примененный к психологии и социологии, не мог не дать серьезной осечки (!), что действительно и произошло с акад. Павловым и его школой (!!).

И никогда ли

М. Горький в борьбе с империалистической агрессией

В 1896 году Горький сотрудничал в «Нижегородском листке» и «Одесских новостях» — больших провинциальных газетах того времени. В центре внимания стояла тогда «Всероссийская промышленная и художественная выставка», открывшаяся в Нижнем-Новгороде.

90-е годы известны в истории России, как годы промышленного подъема. Выставка должна была, по замыслу ее учредителей во главе с Витте, продемонстрировать силу русского капитализма. В действительности же, она продемонстрировала капиталистическую anarchию, отсталость русского купечества, бездарность царских чиновников и превратилась в «универсальную лавочку», по меткому выражению Горького.

Горький писал корреспонденции с выставки, работая, как работал вся жизнь, с неукротимой энергией. Он был в то время еще молодым автором рассказов и очерков — «Макар Чудрак», «Емельян Пиляй», «Челкаш», «Песня о Соколе», «Страх Изгиря».

1895-й год он проработал в «Самарской газете», в которой почти ежедневно, помимо рассказов, очерков, обзоров печати, привлекались его фельетоны, посвященные текущему моменту, злобе дня.

Эта работа была школой Горького-публициста; она заставила вникать в «мелочи жизни», в ее подноготную, в практические дела и заботы разных слоев населения, что Горький и делал, обнаружив большой смысл мелких фактов, обличая хозяев — самарских купцов, предпринимателей, «отцов города».

С таким опытом литературно-газетной работы Горький вернулся в родной город в 1896 году; с мая по октябрь в газетах появлялось более ста его фельетонов, все-сторонне освещавших выставку: павильоны крупной промышленности, различных отраслей, разных областей и городов России, кустарные промисла, художественные отделы, конкуренцию фирм, работу тогда же собравшегося торгово-промышленного съезда.

Горький не просто «описывал» выставку — онставил большие социальные вопросы, насколько позволяла подцензурная цензура, писал о положении рабочих.

Корреспонденции молодого писателя свидетельствуют о прекрасном знании состояния русской промышленности, в частности — кустарных промислов. Горький с сожалением отмечал, что промыслам этим не уделяется такого внимания, какого они заслуживают — не по значению своему в хозяйстве страны, а по качеству продукции: не представляем труду балхансских кружевниц, смесарей из Горбатова, игрушников из Семёнова, гармоников-витчей, кавказских оружейников — многих других «самобытников-мастеров», между тем их труду давно эксплуатируется большими торговыми фирмами.

Горький обратил внимание на тот факт, что в крупной промышленности России, — например, в машиностроении, в добывающей промышленности, в частно-кустарных промислах. Горький с сожалением отмечал, что промыслам этим не уделяется такого внимания, какого они заслуживают — не по значению своему в хозяйстве страны, а по качеству продукции: не представляем труду балхансских кружевниц, смесарей из Горбатова, игрушников из Семёнова, гармоников-витчей, кавказских оружейников — многих других «самобытников-мастеров», между тем их труду давно эксплуатируется большими торговыми фирмами.

Горький обратил внимание на тот факт, что в крупной промышленности России, — например, в машиностроении, в добывающей промышленности, в частно-кустарных промислах. Горький с сожалением отмечал, что промыслам этим не уделяется такого внимания, какого они заслуживают — не по значению своему в хозяйстве страны, а по качеству продукции: не представляем труду балхансских кружевниц, смесарей из Горбатова, игрушников из Семёнова, гармоников-витчей, кавказских оружейников — многих других «самобытников-мастеров», между тем их труду давно эксплуатируется большими торговыми фирмами.

Горький обратил внимание на тот факт, что в крупной промышленности России, — например, в машиностроении, в добывающей промышленности, в частно-кустарных промислах. Горький с сожалением отмечал, что промыслам этим не уделяется такого внимания, какого они заслуживают — не по значению своему в хозяйстве страны, а по качеству продукции: не представляем труду балхансских кружевниц, смесарей из Горбатова, игрушников из Семёнова, гармоников-витчей, кавказских оружейников — многих других «самобытников-мастеров», между тем их труду давно эксплуатируется большими торговыми фирмами.

Горький открыл для себя факт, что промышленность в России, задыхающаяся в специальных условиях производства, а «общие благоприятные условия», среди которых главным является то, что во главе наших предприятий стоит в подавляющем большинстве иностранцы, продолжают сохранять связь с производителями машин из Германии и выпускающими машины оттуда... при чем часто выпытываются такие машины, которые исполняются у нас совершение и дешевле...

А годом тому назад в Сормово присяжал из Бирмингема директор одного из тамошних заводов поучиться перекаливать сталь.¹

Таков итог первых, глубоко верных наследий писателя над экономикой царской России. Известно, что в 90-х годах прошлого века иностранной капиталом все более возрастающую роль в крупной промышленности России, в наблюдениях Горького перво и то, что иностранные хозяева с зарубежными производствами, по существу, тормозили развитие русского машиностроения, металургии, горной, нефтяной промышленности, используя в то же время за границей в своих корыстных интересах достижения русской науки и техники, скрывая имена их творцов.

Отметим попутно, что, начиная с очерков о промышленности на выставке 1896 года, кончая очерками «По Союзу Советов»

¹ Одесские новости, 1896 г., 6 августа.
² Одесские новости, 1896 г., 6 августа.

М. ЮНОВИЧ

шнее цель намеченной программы. Горький писал о том, что порабощение России иностранными капиталистами совершаются при покровительстве царских министров, при содействии отечественных буржуазии, под прикрытием буржуазии, под клеветы на русский народ.

В книге А. П. Тихоновича Горький рассказывал, как усердствуют «всеми интеллигентные» немцы и шведы, изображая русских «чернорабочими» Европы. Он указывал, что тема эта — естественный отзвук быстрого растущего империализма, творимого капиталом, который вовсе не так уж интернационален там, где это ему требуется. Едва ли нужно доказывать пропонированность этого суждения, высказанного в январе 1913 года. Империалистическая экспансия — истинные лжи и клеветы на русский народ. В ее целях европейские «мощенцы» перва и разбойники печатались, обращавшие общество в мнение, в чем усердно помогали «холопы» русского правительства. Это слова Горького, он писал: «Русский народ, русский мужик совсем не тот дикарь, о котором европейцами рассказывали холопы русского правительства... Любить Россию надо, она этого стоит, она богата великими силами и чарующей красотой»².

Империализм наступает — вот вывод из горьковских наблюдений в годы, когда над Европой навис кровавый туман приближающейся войны. В наступлении этом, в дьявольской игре, которую ведут мафии капитала, промышленники, банкиры, дипломаты и «идеологии», участвует и царь-партия. Горький в обращении к англиканскому пролетариату разоблачал преступную политику царизма, в частности, Витте. «Говорят», — писал Горький, — что европейская и американская буржуазия считает его (Витте. — М. Ю.) великим государственным деятелем... Я считаю, что его проект отдачи наших желанных королей загород иностранным капиталистам может быть назван турецкой политикой. В России этот проект не может одобрить даже последний кретин».

Это разоблачение Витте, его политики подчинения страны иностранному капиталу, не случайно дано в возвзвании, пафос которого — «мыльный звонок».

Расспрашивая В. И. Аничина, общественного деятеля Сибири, о том, что думают в Сибири по вопросам внешней политики, касающимся непосредственно ее, Горький писал в декабре 1912 г.: «Далеко все это? Ничего, надо учиться смотреть и в даль. Жизнь дана надолго и не только для нас, а и для потомков наших. Жизнь развеивается все быстрей, и то, что вчера было далеко, завтра может подкатиться под ноги нам... И мы должны обо всем记住, ежели не жалеем, чтобы нас схлопотали европейский капитал»³.

Чем скорее грядет близкая битва, тем скорее ее гром пронесется по всей земле, и если русский рабочий побежит — рабочие всей Европы, всего света, прорвутся и впереди у русских — многое битва. Чем скорее грядет близкая битва, тем скорее ее гром пронесется по всей земле, и если русский рабочий побежит — рабочие всей Европы, всего света, прорвутся и впереди у русских — многое битва.

О чём же следует думать, чтобы не сломал иностранный капитал?

Ленин и Сталин доказали, что защита национальной независимости, значит, и экономической независимости отечества, неотделима от демократического и социалистического движения, что каждый истинный патриот своей родины и последовательный интернационалист должен итти с рабочим классом, должен верить в его силы, в торжество его дела.

«...Русские марксисты», — писал товарищ Сталин в 1913 году, — «связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

«Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата», — все значение этого классического сталинского положения. Горький понял тогда, когда с корнем вырвал заблуждения, отдавшие его в 1917—1918 гг. от партии, когда признал ее великую правдивость.

Тогда Горький вновь вернулся к теме, которая его издавна глубоко занимала. В статье «Десять лет» Горький в ряду достижений Октябрьской революции и советской власти отмечает, что Октябрьская революция, партия, ее возглавившая, спасли Россию от гибели, от превращения в рабочий капитал, несущего с собой социальную и национальную угнетение.

Летом 1906 года Горький жил в Америке, куда приехал по поручению большевистской партии. Встреченный первоначально людьми Америки с любопытным интересом, Горький вскоре же после приезда подвергся бешеной травле со стороны буржуазий прессы.

«Расскажу, кратко, о скандале...» — писал он по этому поводу Б. П. Пятницкий.

— Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы».

Попадя в газету «World», — связывают вопрос о

Жители одного дома

Письмо из Франции

Я живу в одном из самых старинных кварталов Парижа, на левом берегу Сены. Когда-то в старину этот район занимала аристократия, и до сих пор он хранит следы былого величия. Здесь находятся Французский институт, Монетный двор, сохранились дома вдоль набережной Бульвара. Здесь родился и жил Апостол Франс. Потом превратились в просторные квартиры занятыми теперь крупными буржуа да разбогатевшими «на моде» торговыми картины. Каждый-нибудь вдовы или шестидесятилетняя чета занимает квартиру в 10—12 громадных комнатах, в то время как в жилищном управлении лежат две пятьдесят тысяч заявлений с просьбами о предоставлении жилья, поданных многосемейными жителями Парижа.

Париж не был разрушен бомбардировками, да и население по сравнению с дооценным выросло незначительно. Все дело в том, что жилищное строительство мало доходно, и потому предприниматели не строят домов.

На параллельных набережной узких уличах, весьма замыкаемых для прогулок и значительно менее замыкаемых для жилья, расположены состоящие из крохотных квартир ветхие дома с темными и вонючими лестницами. Здесь вперемежку живут представители самых различных слоев населения, — явление совершенно новое и вызванное квартирным кризисом в Париже, не дающим возможности даже разбогатевшим семьям пролинуться на землю, в новые строения районов Пасси и Отей.

Напротив нас — разваливающийся дом XVII века, переделанный под меблированные комнаты. На самом верху, в крохотной мансарде, живут муж с женой и четверо детей. Оbed они готовят тут же, а за водой ходят на улицу. За эту «меблированную» трущобу они платят 4.000 франков в месяц. Дети, живя в мансарде, вечно болеют.

Дом, где я живу, тоже представляет собой поразительное смешение населения, порожденное квартирным кризисом.

Во втором этаже, самом темном, обитают двое служащих и слесарь. Жена одного из служащих работает в парижской мастерской, живут муж с женой и четверо детей. Обед они готовят тут же, а за водой ходят на улицу. За эту «меблированную» трущобу они платят 4.000 франков в месяц. Дети, живя в мансарде, вечно болеют.

Весь день она непрерывно жалуется:

— Мы втроем (у них двенадцатилетняя девочка) никак не можем жить на деньги, которыми зарабатывает мой муж. Она еле требует больше, чем мы имеем. Мысы мы покупаем только по воскресеньям, кипяне не ходим. Каждая пара обуви — это трагический вопрос: где выкроить нужные деньги? А ведь служащий должен быть прилично одет. В этом году мужу нужно купить новый костюм. Но где взять 10.000 франков? Не говоря уже о том, что на эти суммы можно купить лишь плохой костюм.

Напротив них живут кассир с женой и двумя детьми. Считается, что он в привилегированном положении. Недавно, встретив меня на лестнице, кассир сказал:

— Все считают, что я в лучшем, чем другие, положении. Но ведь на деле мы преимущественно оплачиваемся из моего же кармана. Во-первых, с нас много вычитают налогом, во-вторых, под тем предлогом, что «социальное обеспечение» дорого обходится государству, нас облагают большими налогами.

— В странах «социализма», — ответила ему я, — трудающиеся вообще не платят социальное обеспечение: все оплачивается налогом, то есть государством.

Он сразу насторожился, как будто я собиралась отдать у него деньги, и сказал:

— При социалистическом строе люди не свободны.

Откуда он почерпнул эти сведения?

«Радио, газеты», — так он объяснял. Что

он называет быть свободным? «Делать, что вздумается», — был его ответ.

Каждое утро, ровно в 8 час., 15 мин., он вставляет свою карточку в машину, которая отмечает час его прибытия на работу. В 12 час. 15 мин. он уходит, в 14 час. возвращается снова отмечает свою карточку. Он окончательно уходит он в 18 час. 30 минут. Такая «свободная жизнь» длится уже пятнадцать лет. Как-то он сознался мне, что каждое утро вместе с одним сослуживцем отмечает на специальном календаре, сколько еще осталось месяцев до пенсии, полагающейся после 30 лет службы. Это его единственная перспектива, единственная надежда. Ему 35 лет, он ничем не интересуется, считая, что может улучшить свою судьбу только одним путем — выиграть по лотерейному билету. Даже очень мелкое повышение по службе пеликом зависит от каприза начальника. Его работе ему «смертельно надоело», как он сам говорит, и развлекается он чтением уголовных романов. С тех пор, как у него родилась dochь, он не был ни разу в театре, никогда не бывал ни на концерте, ни в музее. Отец ее был «кассиром и доверенным лицом» в Париже, не дающим возможности даже разбогатевшим семьям пролинуться на землю, в новые строения районов Пасси и Отей.

Мы сбирались заплатить два миллиона отступных, чтобы получить «настоящую» квартиру, но люди перестали покупать. В прошлом месяце я еле выиграл пятьсот тысяч франков. И у меня нет свободных денег.

Он жадно скупає старинную мебель и картины. Он поставил у себя невиданную в этом доме вещь — ванну.

Если сложить вместе зарплаты всех осадочных единиц жильцов дома, то все равно не получится сумма в полмиллиона франков. А этот мародер живется на «плоти месяца». И платят он такую же квартирную плату, как и остальные жильцы, тот же квартирный налог. При объявлении дохода он может свободно склонничать, уменьшив цифру оборота. Что касается рабочих и служащих, то если бы они хаживали скрыть свои доходы, то сделать этого не смогли бы: сумма их заработка является предприимчивателем.

Мы жалеемся, а ведь парижские трудающиеся еще не в самом худшем положении, — говорит жена слесаря. Во многих департаментах более половины трудающихся зарабатывают меньше самого скромного, годового прожиточного минимума. А багачи их упрекают в том, что они бастуют. Надо, наконец, чтобы все изменилось!

Недавно ко мне зашел слесарь. Он был очень взъерошен.

— Вы дома? Я испугался, — мне показалось, что вас вчера арестовали во время демонстрации у здания реакционной газеты «Фигаро». Вы не представляете себе, что произошло с кассиром.

Его банк находится на Елисейских полях. Вчера он, как обычно, вышел из дома и пошел к автобусной остановке. Кто-то рядом с ним закричал: «Фашистский «Фигаро», «Эсэсовский «Фигаро». И вдруг он увидел, как жандармы в касках несутся в его сторону. Через несколько секунд его ударили дубинкой по голове. Сегодня утром он отправился в участок, чтобы появляться, и там полицейские чуть его не избили! Он вернулся в полном возмущении, позвонил ко мне в квартиру и сказал:

— Знаете, я считаю, что они определенно переборщили! Если так обращаются теперь с таким служащим, как я, которого начальники всегда ставили в пример, который никогда не бастовал и не вырвался из своего колеса, то я протестую! Я вступаю в ВТТ.

Что из того, что Бенуа Франсон — коммунист, важно, что он борется за нас. А вот Жю, хотя и был в коннике в качестве почетного заслуженного (как и Леон Блюм), теперь занимает хорошее местечко в профсоюзах, поддерживающих «план Маршалла».

Служащий страхового общества был сильно подавлен в тот день, когда судебный следователь пришел описывать его месть за неуплату налогов. Он плакал и говорил:

— Отец утверждал, что у честного человека всегда есть спрережение и никогда нет долгов. А у меня это не получается.

Ему пришла два дня хлопот, потому снести в ломбард вещи, чтобы вывести известную сумму и получить отсрочку платежа.

Мольер показал, что девушки становятся разумными, когда их заправят, — ответила я слесарю. — Есть, очевидно, положения, когда становятся разумными и кассиры и дети кассиров.

— Мольер показал, что девушки становятся разумными, когда их заправят, — ответила я слесарю. — Есть, очевидно, положения, когда становятся разумными и кассиры и дети кассиров.

Безработная парижмахерша показала мне женский еженедельник «Эль», стоящий 30 франков. Две машинистки, служащие ее мужа, покупают эту газету в спальни. В газете печатаются снимки новых моделей платьев «на все случаи жизни»: «костюм для прогулок», «платье-палто для завтрака в ресторане», «платье для коктейля», «платье для театра и небольшого званого ужина». Бажде из них стоит 40.000 франков до 100.000. Помимо

ПАРИЖ, Июнь

ПАРИЖ, Июнь</p